

**ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕПЦИИ «ОНАУЧИВАНИЯ»
ОБЩЕСТВА М.К. ПЕТРОВА**

В данной статье рассмотрена концепция «онаучивания» общества М.К. Петрова. Автор раскрывает специфику современной науки и созданного ею современного общества сквозь призму права и государства.

Ключевые слова: «онаучивание», право, государство, «наука о науке», общество современного типа, традиционное общество.

Право и государство являются специальным и автономным предметом юриспруденции, теории и истории государства и права, политологии и политической науки, философии права и других областей знания. Так, праву и государству уделяется большое внимание, в частности, в *философии науки* М.К. Петрова – в рамках созданной им концепции «онаучивания» общества, о чем и пойдет речь в данной статье.

Наука о науке в качестве самостоятельной дисциплины оформилась, когда сама наука достигла в своем развитии почти предельного уровня, а дальнейшее существование современного общества без науки невозможно. Причем она проникает и в *государственно-правовую область* общественной жизни, в «сферы управления социальными процессами, выступая основой квалифицированных экспертных оценок и принятия управленческих решений» [1, с. 8].

Зарождение науковедческой проблематики известные специалисты в этой области С.Р. Микулинский и Э.М. Мирский связывают с «дискуссией по общим проблемам развития науки, возникшей в связи с докладами Б.М. Гессена и других советских ученых на 2-м Международном конгрессе по истории науки в Лондоне (1931)» [7]. В связи с этим следует обратиться к исследованиям М.К. Петрова, ставшего, согласно С.С. Неретиной, одним «из зачинателей науки о науке» [11, с. 91].

В диссертации, защищенной в 1967 г., ученый, опираясь на оценки создателей «науки о науке» Прайса, Нидама, Буропа и Маккея, утверждал: «Наука о науке – сравнительно молодая дисциплина, зарождение которой принято датировать 1931 г.» (имеется в виду «доклад советского историка Гессена о социальных корнях “Начал” Ньютона» [12, с. 18]). Ссылка на Гессена важна и с точки зрения социологического и одновременно науковедческого анализа двух систем – «наука–общество» и «общество–наука». Последняя система показывает соотношение *государства* и науки, а также участие *права* в оформлении социального института науки и самой формы научной познавательной деятельности.

Следует иметь в виду и существенный мировоззренческий аспект проблемы. В.Н. Дубровина и Ю.Р. Тищенко отмечают, что «НТР, ее экологические и военные следствия ставят человечество перед дилеммой: либо погибнуть как вид, либо подчинить своему сознательному контролю социальные институты и знаковые системы, ход их развития. В том числе и прежде всего – науку, являющуюся мощнейшим фактором развития общества» [3, с. 256]. Уместно также воспользоваться характеристикой науковедческих исследований М.К. Петрова, в том числе созданным им «философским науковедением» [5, с. 172], которое многомерно и целостно представляет и феномен науки, «и видение сквозь его призму современного общества как общества “онаучиваемого” и в значительной мере уже “онаученного”, – весьма своеобразный ракурс в осмыслении основных актуальных проблем и европейского общества, и мирового сообщества в целом» [6, с. 87–88].

Действительно, выход в рамках науковедения за узкий, плоский горизонт чистой наукометрии возможен лишь посредством *философского* анализа. Благодаря этому открываются возможности более глубокого исследования таких проблем «науки о науке», как: 1) социальный, связанный с особой ролью государства и права аспект проблемы генезиса и специфики науки; 2) анализ социального существования науки как автономной структуры в составе сложившегося «онаученного» общества (предположительно в трех основных плоскостях – в ее связях с производством, государством и образованием).

Первый аспект возникает у М.К. Петрова в его исторической типологии культур [14, с. 15–105], согласно которой лично-именной, профессионально-именной и универсальной способы кодирования социально полезного знания – это три основных варианта хранения, передачи и обновления оперативной информации и общего культурного наследия любого общества. «Положенная» на реальную историю обществ и государств типологическая схема позволяет сделать нам следующие обобщения.

Все *традиционные* общества – и первобытные, и государства на стадии цивилизации – в основном приспособляются к окружающей среде. Поэтому новационная часть механизма приспособления (инструменты обновления общества) здесь минимальная, хотя у обществ-цивилизаций она гораздо выше, чем в первобытных обществах. Но и у них она невелика и задана стабильностью профессиональной структуры общества и государства, хотя при этом весьма различается в разных вариантах цивилизаций – трудовой (Китай), военной (Вавилония) и морской (Крит и Микены). А в целом здесь царят стабильность, устойчивость социального профессионализма (основы этого вида обществ) и относительный повтор социально-культурных и политико-государственных явлений и структур в протекающих процессах.

Другое дело *европейский* социокультурный регион. «...Возвратно-поступательное циклическое движение великих цивилизаций от гибели-рождения через расцвет и увядание к гибели-рождению ...один-единственный

раз было прорвано в забитом островами бассейне Эгейского моря, где, – утверждает Петров, – многовесельный корабль, изобретение неизвестного “работника Афины”, разрушил основу профессионализма ... сделал из человека-профессионала просто человека» [2, с. 88]. Политическая организация общества в целостность означает появление, как пишет М.К. Петров, особых «людей-государств», носителей социальности на индивидуально-личностном уровне (пример – дом-государство Одиссея). В работе «Античная культура» исследователь утверждает: «Город-государство как основная социальная структура Античности не может возникнуть непосредственно из олимпийского социального ритуала, поскольку полис стоит на идее политического равноправия граждан... Возникновение полиса предполагает уже в наличии экономическую и военную автономию личностей, а также некоторый навык использования правовых отношений» [13, с. 44].

Закон (номос), устанавливающий равнообязательные права для граждан города-государства, допускаемых – за пределами своего хозяйствования в своих «домах» (ойкосах) – к общей жизни в управлении «государством» (полисом), становится нормой античного способа цивилизованного существования. С другой стороны, как показывает М.К. Петров, комическая (законническая, конституционная) характеристика полисной жизни переходит в сознание как указание на поиск законов-универсалий бытия и мышления. Эта установка сознания и рождает философию (как область универсального мышления), а потенциально делает возможной и науку (как область приложения универсалий мысли к природе, к объективной реальности, открываемой посредством целенаправленных и систематических наблюдений и экспериментов). Таким образом, роль права, юридических универсалий полисно-государственного образца понята М.К. Петровым как первоначальный источник-ориентир будущей науки.

Однако наука появилась в Европе все-таки гораздо позже, в Новое время. Было ли это результатом только естественного и автономного развития знания или социальность сыграла и на этом последнем отрезке важную роль? Опираясь на идеи Нидама [8, с. 149–177], М.К. Петров показывает специфику средневековой Европы с ее феодализмом и разбросом избыточного таланта по сравнению с деспотически-имперским Китаем, где талант систематически отслеживался и сознательно был поставлен на службу государству. Парадоксально: Китай делает открытия, однако так и не получает науку; Европа игнорирует таланты, но они находят себе место за пределами общества (пираты, предприниматели, авантюристы, а среди них – и ученые). Наука рождается вне государства, приходит извне на службу ему, предлагая новое знание и его практические приложения (проект Ф. Бэкона).

В результате создаются совершенно новые и специфические для цивилизованных обществ отношения *между наукой и государством*, а значит, и новые проблемы [14, с. 216–226]. Правда, в период «малой науки», начиная с

XVI–XVII вв., наука (с ее обещаниями) не воспринималась государством так серьезно, как в настоящее время. Но ситуация меняется в корне в XVIII столетии – веке промышленной революции. Системы машин входят в производство, мануфактура заменяется фабрикой, а человек становится придатком машины – продукта, являющегося результатом науки, оказывающейся «непосредственной производительной силой».

Второй аспект темы мы обнаруживаем прежде всего в последних фундаментальных работах М.К. Петрова, посвященных концептуальной и проблемной характеристике европейской системы образования. Имеется в виду его критика «экстенсивной» модели, оформившейся в Европе в качестве «новой», или «современной», традиции [4, с. 130–230]. Это, с первого взгляда, довольно простые вещи. Как пишет С.С. Неретина, «с переднего края науки идеи движутся в производство через систему образования», причем предлагаемая М.К. Петровым концепция образования «глубоко демократична, поскольку предусматривает движение от тезауруса (слов, понятий, программ) первоклассника к тезаурусу ученого-творца» [9, с. 16].

Однако следует отметить, что еще в 1965–1967 гг., подводя итоги своего анализа философских проблем науки о науке, мыслитель обратил внимание на такой первоочередной «внешний» аспект нормальных для науки условий ее существования, как «проблема перестройки образования». Он указывал на то, что в сложившихся системах образования основные усилия «направлены к осреднению, к уничтожению различий по склонностям. Стремлениям, мотивам и системам удовлетворения». Новые требования к «онаучиванию» в системах образования тогда были сформулированы в четырех основных пунктах: 1) давать «минимум общего знания»; 2) обеспечить «выход на передний край науки к 18–20-летнему возрасту»; 3) «максимальное сохранение таланта»; 4) повысить «вероятность найти свое место в жизни по способностям и склонностям» [12, с. 156].

Логично представить теперь науку современного общества в рамках именно социальности, в зависимости от социальных институтов, т.е. развития науки в определенных условиях государственно-правовой организации общественной жизни. Хотя за 300 лет существования науки в ней не наблюдались срывы экспоненциального роста, который, следовательно, можно использовать при оценке будущего состояния науки и планировании всего нового, что с наукой может быть связано. Однако существует ряд факторов, используемых для корректности при составлении прогнозов, а именно «период удвоения населения (40–50 лет), национального дохода (20 лет) и расходов на науку (5–6 лет)» [12, с. 123]. Здесь важно отметить, что, с одной стороны, мы имеем неравномерность в росте социальных явлений, а с другой – различные пределы в сферах человеческой жизни – интеллектуальной, экономической и биологической.

Наука не является исторически однородной сущностью, в связи с чем мы можем наблюдать, что в каждой стране, т.е. в рамках *национального государства*, обнаруживается определенный «возраст» науки. В одних государствах наблюдается ее «нулевое развитие», в других, напротив, – экспоненциальный рост, в третьих – уровень «средних значений», а в некоторых – явная «насыщенность» наукой. Однако налицо появление нового процесса равномерного распределения науки по странам: новые научные государства воспринимают науку быстрее, теперь уже нет стран-монополистов, обладающих наукой. Это обусловлено тем, что развивающая науку страна использует достижения мировой науки. Между тем данный процесс, по сути, свидетельствует не о развитии и усложнении науки, а только о ее искажении и торможении внешней силой, позволяющей возникнуть разобщению в национальной науке.

Стремительное развитие науки, повышение уровня образования и производительности труда у некоторых народов воспринимаются как вторжение в их жизнь, причем, как правило, приводящее к негативным последствиям (например, начальное образование в сельской местности, направленное на обучение детей тому, что необходимо знать в городе, а не в деревне, и т.д.). Необходимо же заботиться об экономической стороне вопроса, о росте в этой сфере, а следовательно, образование должно выполнять социальный заказ конкретного государства, а не представлять собой просто повторение опыта других.

Как гипотезу М.К. Петров принимает тезис о том, что наука в высокотехнологических странах живет с государством далеко не мирно. Определенная слабость позиции национального государства перед наукой состоит в том, что оно может своими силами исключить науку, перестав ее финансировать и т.д., однако такие действия приведут к гибели самого государства. Автор отмечает: «Политическое существование национального государства в условиях идеологического раскола прямо связано с состоянием его экономики и с его способностью удерживать производство на уровне мирового стандарта, поэтому государство вынуждено держаться за науку как за условие собственного существования» [12, с. 142].

В связи с тем, что государство мирится с наукой и поддерживает ее для своего блага, у него нет критерия, отличающего талантливую ученого от менее выдающегося. Таким образом, в ряды науки поступают все, кто хотел бы, вне зависимости от склонности к наукам и учености. Однако для развития науки это малоэффективно. «Попытки государства стимулировать развитие одних отраслей за счет других искажают естественную вероятность появления крупного ученого, снижают ее... искажение матриц отбора в науку ведет к снижению ее общего стандарта» [12, с. 143]. Все это детерминирует обезличивание процессов самоориентировки и падение общего стандарта науки.

Однако такие отношения между наукой и государством были не всегда. В обществе, лишенном науки, естественно, не существовала данная проблема. Затем, в XVI–XVII вв., наука не воспринимается еще государством так серьезно, будучи лишь придатком, она не обеспечивает существование государства. В конце же XVIII в. промышленная революция меняет все.

В то же время «устранить» науку из общества со стороны государства было сначала невыгодно, а затем и невозможно. Государство нуждается в наращивании производства, что приводит к изменению общества из стабильного в нестабильное, в общество гражданское, рыночное. Как замечает М.К. Петров, «наука нужна государству как источник его силы и как одно из условий его политического существования» [12, с. 144], поэтому государство должно ее финансировать. Однако это не так, оплачиваются только те ее направления, которые «способствуют упрочению политического существования», т.е. «политическая матрица национального государства формирует расходы на науку в своей шкале ценностей и пытается, насколько ей это удастся, деформировать в процессах правого априорного определения матрицу автономии науки» [12, с. 144].

В таких условиях наблюдаются попытки науки показать и сохранить свою автономию от государства в двух смыслах – в познании мира открытий и познании социального окружения. В этом случае «мы получаем право видеть во всех характерных для современной науки процессах гетерономию – бисоциацию государственного и научного» и возможность «поляризовать эти процессы на государственное и научное» [12, с. 145]. Сопоставляя эти процессы, можно вывести два подхода – «государственный подход» и «идею катастрофизма». Первый путь показывает нам стабилизацию проблематики машиной, а следовательно, срастание науки с производством. Второй путь как отмечают М.К. Петров, Г.М. Добров, предопределяет главенствующую роль целей в организации научных учреждений и развитии науки вообще.

Таким образом, взгляд на происхождение современной науки и самого современного общества и государства в концепции М.К. Петрова является частью его более общих социально-философских и историко-культурных представлений – о широком и узком аспектах проблемы «онаучивания» общества. Во-первых, имеется в виду общий мировой процесс социокультурного развития, посредством которого *традиционное общество* превратилось, но (по М.К. Петрову) только в рамках *европейской* культурно-исторической традиции, в *общество современного типа* – с наукой в составе его социальной структуры. Во-вторых, фиксируется гораздо более конкретный исторический феномен, а именно переход уже «онаученного», принявшего науку европейского общества, т.е. *общества с наукой*, функционально представленной в его структуре, – в особенное «онаученное» (в строгом смысле «современное») состояние общества, такое состояние, когда она

становится и «непосредственной производительной силой» общества, и онаучивающей его общей культурой.

Литература

1. Степин В.С. Философия науки. М., 2006.
2. Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990. № 5.
3. Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. М.К. Петров: жизнь и идеи // Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992.
4. Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. М.: Наука, 1992.
5. Ерыгин А.Н. Философия Античности в контексте философского науковедения // Философское и культурологическое русское исследование. Ростов н/Д: Изд-во «ЦВВР», 2008. Вып. 14.
6. Ерыгин А.Н. Россия в пределах только разума: Введение в тему. Ростов н/Д, 2008.
7. Микулинский С.Р., Мирский Э.М. Науковедение // Большая советская энциклопедия // <http://bse.chernport.ru/naukovedenie.shtml>
8. Наука о науке: Сборник статей. М.: Прогресс, 1966.
9. Неретина С.С. Творчество как сущность (о концепции культуры М.К. Петрова) // Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991.
10. Неретина С.С. Михаил Константинович Петров: Жизнь и творчество. М., 1999.
11. Неретина С.С. Социокод философии (о философских работах М.К. Петрова) // Вопросы философии. 2009. № 10.
12. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. М., 2006.
13. Петров М.К. Античная культура. М., 1997.
14. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992.